

Александр СОЛЖЕНИЦЫН:

Потёмщики света не ищут

Солженицын Александр

Вспыхнувшая вдруг необузданная клевета, запущенная во всеприемлющий Интернет, оттуда подхваченная зарубежными русскоязычными газетами, сегодня перекинувшаяся и в Россию, - а с другой стороны оставшиеся уже недолгие сроки моей жизни - заставляют меня ответить. Хотя: кто прочел мои книги - всем их совокупным духовным уровнем, тоном и содержанием защищены от приключения таких клевет.

Новые нападки не брезгуют никакой подделкой. Самые старые, негодные, не сработавшие нигде в мире и давно откинутые фальшивки, методически разработанные и слепленные против меня в КГБ за всю 30-летнюю травлю, - приобрели новую жизнь в новых руках. С марта 2003 началась единовременная атака на меня - с раздирающими «новостными» заголовками.

Из-за внезапной рьяности новых обличителей, при полной, однако, тождественности нынешней клеветы и гебистской, - приходится и мне вернуться к самым истокам той, прежней.

Систематическое оклеветание начали почти сразу после «Ивана Денисовича» (1962) - а уж тем более после захвата части моего архива в 1965. (Об этом - «Бодался теленок...», глава «Подранок», и дальше.) Для того служила бесподобная советская система «закрытых» пропагандистских лекций - какие для партактива, какие для совслужащих, - а вся вместе, по СССР, эта развернутая и бесперебойная система охватывала сотни тысяч, если не миллионы слушателей. Через эти лекции можно было внушать то, чего не решались в газетах, - и поди узнай, что там про тебя несут на этих закрытых лекциях, - лишь одиночные свидетельства достигали меня. Линии клеветы - перебирались и множились.

Первая ставка была, что Солженицын - еврей (на лекциях варьировалось - «Солженицер», «Солженицкер»), - и в дореволюционных архивах Московского университета майор Госбезопасности Благовидов выискивал данные на моего отца.

Но параллельно возникла, а вскоре и победила другая ставка: что я - изменник родине, что я был в немецком плену - нет-нет, и хуже: сдал с собой в плен целую батарею! что далее я стал немецким полицаем - нет, хуже: прямо служил в Гестапо! И вдруг весной 1964 (всего год

от «Ивана Денисовича») такое обвинение вырвалось на публичном заседании из глотки первого секретаря ВЛКСМ Павлова - и вынудило А. Т. Твардовского заставить из Военной Коллегии Верховного Суда официальную справку о моей реабилитации - и зачитать ее собранию вслух («Телёнок», гл. «На поверхности», с. 92). И Павлов смолк, конечно не извинясь.

Однако «закрытая» травля не утихала, тем более усилилась с 1967, после моего резкого Письма съезду советских писателей, и еще острей после присуждения Нобелевской премии (1970). Да уж настолько я был непереносим для КГБ, что в 1971, 9 августа, в Новочеркасске они прямо убивали меня уколом рицинина, три месяца пролежал я в пластом в загадочных волдырях размером с блюдце (об этом - «Совершенно секретно», 1992 г., № 4; британская «Гардиан», 20 апреля 1992-го; была затем и центральная телевизионная передача по 1-му каналу с участником покушения, раскаявшимся подполковником КГБ Б. А. Ивановым, чьи показания опубликованы в указанном выпуске «Совершенно секретно» и позже в «Телёнке», с. 675 - 684).

При появлении «Архипелага» (декабрь 1973) травля взметнулась до визгливости. Тогда АПН принялось издавать для зарубежного распространения целые брошюры против меня, торговать тенденциозно отобранными извлечениями из прежних писем к моей бывшей жене Н. А. Решетовской. Ее КГБ использовал как свою лучшую и верную помощницу - и с тех пор она неуклонно, настойчиво, на разных уровнях

Старший лейтенант
Солженицын. Брянский
фронт. 1943 г.

появившийся в 1973 году «Архипелаг» Решетовская с легкостью называла (в интервью «Фигаро», февраль 1974) недостоверным «сборищем лагерного фольклора».

Сразу после «Архипелага» КГБ привлек для международных интервью и моего однодельца Н. Д. Витковича (мы с ним сели за нашу первую фотографированную цензуруй переписку 1944 года, насквозь антисталинскую) - и вот, восстановленный в компартии, он перекладывал вину на меня («Телёнок», с. 665 - 666) и по западному радио заявлял, что никаких таких ужасов в ГУЛАГе не происходило. Тут прибегли к такому разительному доводу (и его подхватили сейчас, в травле 2003 года!): что Виткович был присужден к 10 годам лагерей, - то была стандартная выпечка фронтового трибунала, но не было ему добавочного привеска, а я, по ОСО, получил - лишь 8 лет лагерей, - но умалчивали, что - с добавкой вечной ссылки. (Нынешние старатели идут еще дальше: мол, Виткович 10 лет махал кайлом на Воркуте, в то время как Солженицын отсиживался на шарашке, - Виткович же прибыл на ту же Марфинскую шарашку осенью 1948 и оставался на ней и

после того, как меня оттуда усадили в 1950 в Особые лагеря Степлага. Всего он отсидел, при зачетах, - 9 лет, я, со ссылкой, - 11.)

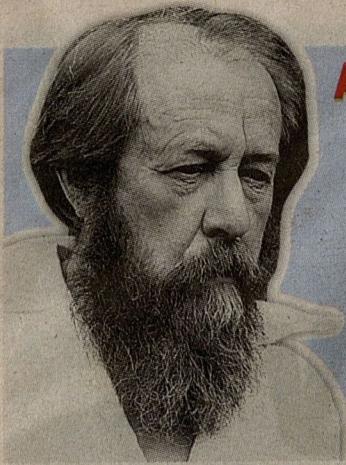
После моего изгнания с Родины в 1974 - клеветническая кампания против меня продолжалась, АПН распространяло на весь мир на разных языках изданную ими первую книгу Решетовской «В споре со временем», 1975, где уже было нагорожено на меня много разной мстительной лжи. (Председатель правления АПН И. Удальцов докладывал в ЦК КПСС: «Рукопись воспоминаний Н. Решетовской подготовлена к печати издательством АПН совместно с КГБ при СМ СССР. Представляется, что выход на Запад... может послужить определенной контрабандой»².) Решетовская легко бралась истолковывать всю мою жизнь и свидетельствовать даже о моих школьных годах, о которых не знала ничего, даже о моей ссылочной жизни, будто была ее соучастницей, а не покинула меня, выйдя замуж, когда я был еще в Особлаге, потом в ссылке, душимый раком. - Тут Виткович снова выступал по западному радио, тут прижало КГБ и моего школьного друга Ки-

рилла Симоняна, хирурга, заставило его написать лживую брошюру обо мне.

И наконец издали в СССР отдельную книгу чехословацкого порученца Томаша Ржезача, «Сpirаль измены Солженицына» (М.: Прогресс, 1978). Предназначалась она не для всех советских читателей, а для благонадежных, распространялась избранным. Председатель КГБ Андропов писал 10 августа 1978 министру внутренних дел Чехословацкой Соцреспублики Яромиру Обзине: «Выход в свет данного издания явился результатом добросовестного труда автора и настойчивой совместной работы с ним сотрудников 10 Управления МВД ЧССР и 5 Управления КГБ СССР. Выражая глубокое удовлетворение... Комитет считал бы целесообразным наградить Начальника 10 Управления МВД ЧССР генерал-майора В. Старека [и еще шестерых чехословацких разведчиков и оперработников]... принимавших наиболее активное участие в проведении указанного мероприятия»³. Сам Ржезач в предисловии сердечно благодарит Н. Решетовскую (ее книга «мне служила своего рода справочником»), Витковича, Симоняна и еще нескольких «согласившихся дать интервью». Но, пожалуй, этим списком не удивишь, уже все они и до Ржезача выступили против меня, - так черпать из своих «личных впечатлений»! Оказывается, сам Ржезач «принадлежал к узкому кругу друзей Солженицына», - вот это находка! - и вдоль всей книги ссылается на «беседы и встречи» со мной, - а не только никогда мы с ним не скажали ни единого слова, но вообще не были знакомы, не встречались ни разу.

Кто ж такой этот Ржезач? Сын чешской писательской пары, журналист, в 1968 засланный в среду чешской эмиграции в Западной Европе, жил в Швейцарии, как вдруг в 1975 исчез - и вынырнул в Праге, понося соотечественников-эмигрантов по пражскому радио. В том же году он «предпринял туристическую поездку в Советский Союз с книгой Решетовской в кармане», имея задание сорвать разоблачительный опус против меня (и моих родителей, и моих дедов), главное же - против «Архипелага». Любянка, пишет Ржезач, справедлива, добра, даже чутка, ее следователи - «почтенные люди», - и «разве можно утаить пытку целых тысяч или полное исчезновение десятков тысяч людей? Нет, это невозможно».

(Продолжение на стр. 8 - 9.)

Александр СОЛЖЕНИЦЫН:

ПОТЁМИЦИКИ

(Продолжение.
Начало на стр. 7.)

Итак, вместе с КГБ они славно потрудились. Каков же этот Солженицын? - Ясно, каков: с самого детства - трус; честолюбец; предатель; антисемит. - (Тут, «со слов Симоняна», очень кстати басня об «антисемитском» происхождении моего школьного шрама на лбу, - об этом в «Зернышке», глава «Сквозь чад»⁴, басня эта потом разрабатывалась и в других гебистских публикациях.) - Нарочно подстроил собственный арест с фронта в конце войны. Старался засадить в тюрьму друзей и знакомых (но МГБ, из доброты и гуманности, никого не посадило и даже не допросило). Весь лагерный срок ретивый стукач. - (И опять со ссылкой на Симоняна - несусветная дичь про «52 тетрадных страницы неподражаемо мелким почерком», якобы написанные весной 1952 в каторжном Экибастузском лагере - еще взроенном нашим недавним мятежом, и сразу после моей раковой операции - с единственной целью опорочить Симоняна. Да где ж та тетрадь? приведите же эти нигде, никогда, никем, в том числе и Ржезачем, ни словом не цитированные 52 страницы! - И эту грубую дичь усердно прощают повторить и теперь, спустя четверть столетия.) - Ну а книги Солженицын? - Все написаны из злобы и честолюбия. Лицемер. Лжец. Подлым приемом уклонился от поездки за Нобелевской премией. Хитрым маневром вынудил КГБ захватить спрятанный «Архипелаг» - и так заставил выслать себя из Советского Союза.

Это, конечно, не все, не все результаты «совместной работы», но основные. С тех пор все мои клеймители просто черпают из этой книги, либо списывают друг у друга, никто еще не вышел за изготовленную специалистами КГБ «спираль измены».

Впрочем, незадолго до смерти своей в 1977, попытался вырваться из нее Кирилл Симонян. Я рад, что меня достигло его предсмертное покаяние, записанное коллегой-врачом, Д. А. Черняховским: «Расценивайте это как исповедь человека, который скоро умрет и хотел бы, чтобы его покаяние в конце концов достигло друга, которого он предал». Со слов Кирилла

Д.А.Ч. писал: «С детства у К.С. стали проявляться некоторые психиатрические особенности, связанные с половым выбором. Уже будучи врачом, он пережил в связи с этим неприятности, угрожавшие его карьере. Когда к К.С. пришли «вежливые люди», он в первый момент испытал леденящий ужас, но потом с облегчением понял, что, хотя они могут мгновенно сломать жизнь, превратив из доктора наук «в никому не нужное дерьмо», их цель иная: «опять Солженицын». Они были осведомлены, говорили какие-то правдоподобные вещи. Неожиданно для себя К.С. почувствовал как-то подъем и благодарность, - «да, благодарность за подаренную жизнь врача». Написал «какую-то пакость для распространения за рубежом». Писал в странном подъеме, «в дурмане»... Расказал, как в больницу приез-

жал Ржезач - «мразь, кагебешник, говно. Играли с ним в постыдные игры», - именно так выразился К.С. Потом «дурман рассеялся, спохватался и хоть в петлю»⁵.

Само собой работало КГБ и над изготовлением фальшивых документов, якобы моим почерком (у их графологического отдела на столе лежало все множество моих писем к Решетовской).

Сперва - это была издуманная моя «переписка» с издателем эмигрантского белогвардейского журнала «Часовой» В. В. Ореховым в Брюсселе: от моего имени звали его приехать на «встречу» со мной в Прагу - тут захватить и состряпать попытку «белогвардейских контактов» (это всплыло лишь после моей высылки и разоблачено в журнале «Time», 27 мая 1974, приведены там образцы и по-

черка моего, и гебистских подделок; см. также «Зернышко», гл. «Без приколов»⁶.

В 1976 - покрепче: якобы «донос» мой в оперчасть Экибастузского лагеря о подготовке мятежа украинцами. (Не могли же гебисты не использовать такого соблазна, собственной моей подачи о вербовке!) Я уже писал в «Сквозь чад»:

«В «Архипелаге», и не только в нем, я не щадил себя, и все раскаяния, какие прошли через мою душу, - все и на бумаге... В этом ряду я не поклонился изложить историю, как вербовали меня в лагерные стукачи и присвоили кличку, хотя я ни разу этой кличкой не воспользовался и ни одного донесения никогда не подал⁷. Я и нечестным считал об этом бы умолчать, а написать - интересным, имея в виду множественность подобных вербовок, даже и на воле. Я цель имел во всей книге, во всех моих книгах показать: что можно из человека сделать. Показать, что линия между Добром и Злом постоянно перемещается по человеческому сердцу. А у ЦК и КГБ не только этого уровня понимания нет и не было, но даже нет простого образумления: с чем можно высунуться, не вlipнув (как моя «переписка» с Ореховым, или как грубая их подделка «доноса» 1952 года). У КГБ если что и красное - то пальцы, то руки по локоть, отнюдь не щеки».

Как прочли, стало быть, «Архипелаг» - так и принялись за изготовление. Да в самом главном месте фальшивки - провальный для гебистов просчет: «донос» на украинцев пометили 20 января 1952, цитируют «сегодняшние» якобы разговоры с украинцами-зеками и их «завтрашние» планы, но упустили, что еще 6 января *все до одного* украинцы были переведены в отдельный украинский лагерный пункт, нагло отдельный от нашего, - и на их лагерном вообще никакого мятежа в январе не было, а к стихийному мятежу российского лагерного пункта 22 января - не имели они касательства, не участвовали и близко. (Хотя и об этом в «Архипелаге» написано: Часть V, гл. 11, - но недоглядили *специалисты*, а сами недомыслили.) Наряду с этим - и другие промахи, для профессионалов постыдные.

Эта старая фальшивка увещана такими подробностями... Я получил ее копию в мае 1976 от видного швейцарского журналиста Петера Холенштейна: что вот ему представили такой документ и он хочет знать мое мнение о нем. Я был тогда в Калифорнии, работал в Гуверов-

ском институте - и тут же передал факсимиле фальшивки в «Los Angeles Times», сопроводив своим опровержением (напечатано там 24 мая 1976; см. также «Зернышко», гл. «В Пяти ручьях» и приложение 18⁸).

В дальнейшей переписке, которую я храню, Холенштейн сообщил, что в Москве и Восточной Германии якобы существует целое собрание таких подделок, на основе которых некий автор [Франк Арнау] готовит книгу: «Борода снята - разоблачение А.С.». Он предложил Холенштейну 25 тысяч швейцарских франков за сочинение в публикации. Холенштейн отказался: «У меня возникли самые серьезные сомнения в подлинности документов. Я предполагал, что все это представляет собой сознательно направляемое нападение на Вас... в связи с появлением «Архипелага».

Я предложил провести экспертизу со сравнением почерка, но автор на это не согласился. Он сказал, что письма стопроцентно написаны С.». Отчего же не согласился, раз так уверен?

На том дело, казалось, и зашло. Не осилив книгу, Арнау напечатал все ту же единственную фальшивку в социалистическом журнале, в Гамбурге, но она также не получила никакого движения.

И еще была попытка. В 1990 в СССР «Военно-исторический журнал», в ответ на возвращение мне гражданства, начал печатать «воспоминания бывшего власовца» Л. А. Самутина (№№ 9 - 11) - того самого, у кого в 1973 гебисты взяли вовремя не уничтоженный (втайне от меня) экземпляр «Архипелага». Тогда его возмущенная вдова потребовала от журнала под угрозой суда - прекратить печатание, ибо эти вынужденные «мемуары» на ее глазах писались по требованию и под прямую диктовку гебистов. И тогда же журналист (редактор генерал Филатов) - отступил, прекратил печатание, но в ярости напечатал в № 12 ту же «экибастузскую» фальшивку, - и снова бесполезно.

Но вот - воцарилась на Руси и в окрестностях безграничной свободы для каждого лгать что угодно, - и нынешние энтузиасты рвутся чуть ли не жарче прежних гебистов: теперь, спустя 27 лет, ту старую фальшивку, оживленно преподносимую как сенсацию, подхватило нью-йоркское «Новое русское слово» (24.3.2003), киевские «Столичные новости» (1.4.2003), за ними эмигрантская украинская газета - кто со ссылками на Интернет, кто на разных авторов - а текст ста-

Солженицын.
Вермонт, начало
1980-х годов.

Света не ищут

тыи всюду один, слово в слово, - и дальше и дальше раскатом, теперь уже неприкрыто сплетаясь у обвинителей с гневным раздражением моим недавним двухтомником «Двести лет вместе». Кто-то из читателей стал возражать - и что же сегодняшнее демократичнейшее «Новое русское слово»? Оно не побрезговало осведомиться о «подлинности документа» у генерала ГБ Филиппа Бобкова, бывшего начальника того самого 5-го (Идеологического) Управления КГБ, возглавителя всей тогдашней травли меня и правой руки Андрапова. И Бобков, естественно, выразил, что «документ» очевидно вполне достоверен - а только, вот, *не* КГБ его распространяло. - А кто же мог... - Да «кто-то» самовольно нашел в секретном архиве и распространил... И этим вздором дурачат *сегодняшнего* русскоязычного американского читателя! Как сомкнулись нынешние «правдоискатели» с еще не отмершими дубами КГБ!

И с какой настойчивостью теперь вновь внедряется и втвреживается аргумент от Ржезача и М. Якубовича (единственного из старых зэков, кто согласился сотрудничать с ними против «Архипелага»), что приведенный мною в «Архипелаге» эпизод моей вербовки в осведомители - несомненно имел стержневое продолжение сквозь всю мою лагерную жизнь. И хотя ни на шарашке Марфине, ни в Экибастузе не имеется тому ни единого свидетельства или факта, но доказательство ведут «от противного»: это не могло быть иначе! не могло быть, чтобы не...! Настаивают, что в Гулаге всякий «спецнаряд» должен иметь визу оперуполномоченного, иначе он не может состояться, - и стало быть при всех дальнейших перемещениях зэк не может «слезть с крючка». - В пределах Гулага - может и так, только из лагерька на Калужской заставе меня перемещали *не внутри-гулаговским «спецнарядом*, меня «распоряжением министра внутренних дел» выдернули *вне системы* Гулага - в Отдел Спецтехники МВД, куда собирали специалистов из лагерей, - и пораженное начальство уже через два часа отправило меня прочь из лагерной зоны - в Бутырки.

Моя душа совершенно чиста. Ни от моих односидчиков на шарашке (ни, кстати, и от Витковича, там же сидевшего), ни в Особлаге - я никогда не встречал обиды, упрека или подозрения, но только полное, неизменное доверие - как и в грозные годы Экибастузского лагеря (1951 - 1952), когда стукачи валом валили спасаться за камен-

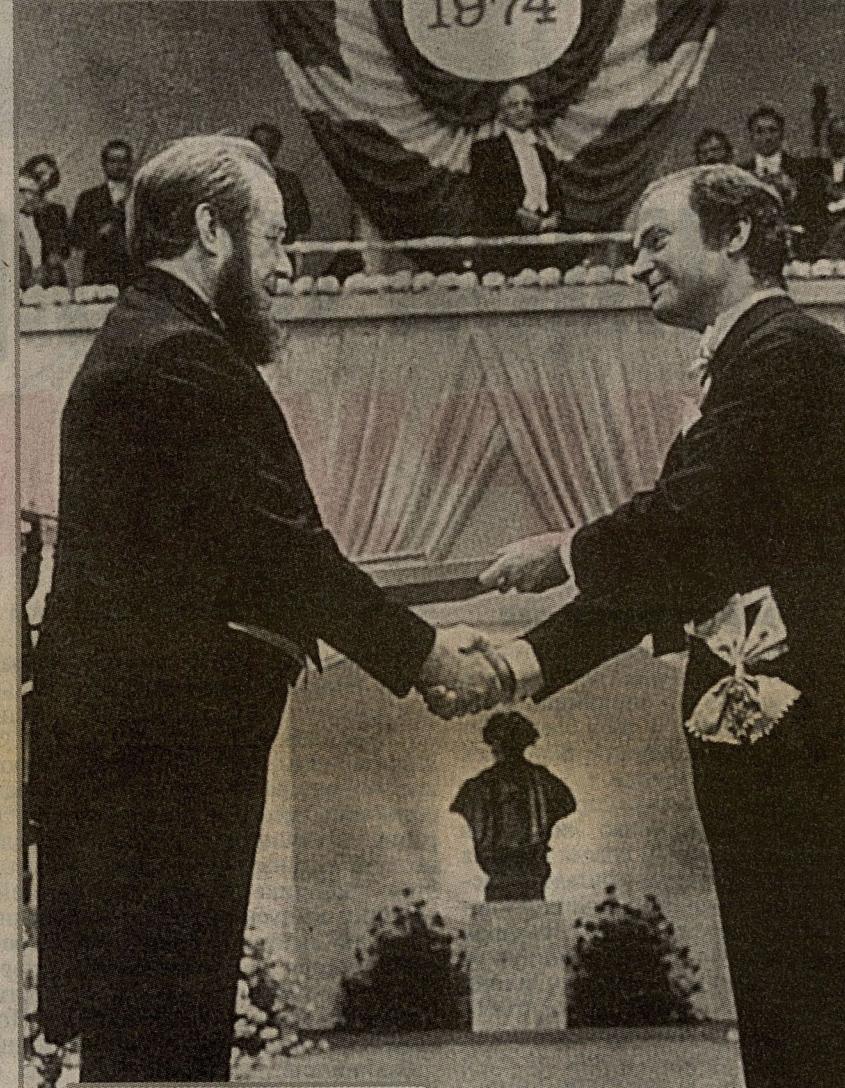
ными стенами у начальства, а бригадиры бежали со своих должностей, ставших опасными, - я же, по просьбе моих товарищей из Мехмастерских, перешел с каменщика в их бригадиры, и оставался им до исчерпания нашего мятежа в январе 1952 года.

Но вот сейчас явно избрано: опорочить меня как личность, заляпать, растоптать само мое имя. (А с тайной надеждой - и саму будущую жизнь моих книг?)

Этот прием выпукло проявился при первом же перебросе газетной кампании на территорию России - в развязнейших ухватках и бранях журналиста «Московского комсомольца» (сентябрь 2003) по адресу книги «Двести лет вместе» и ее автора. Дейч грубо искачет главу из моей книги об участии евреев в войне. Именно в противовес расхожему представлению, что многие евреи уклонялись от армии, - я добил и впервые привел никогда прежде не публиковавшиеся архивные данные Министерства обороны, из которых следует, что число евреев в Красной армии в годы Великой Отечественной войны было пропорционально численности еврейского населения, то есть пропорция соответствует средней по стране (Часть II, с. 363 - 364). Но Дейч без оглядки идет и на подделку цитат (сносок нигде не дает, ищи, читатель, где хочешь, а еще лучше - не ищи, поверь Дейчу). Впаривает мне выражения типа «ленинско-еврейская революция». Смеет обсуждать воровскую публикацию - с ее сквозным хулиганским изгажением и грязной фальсификацией - выкраденных моих черновиков 40-летней давности. Ему вторит «Эхо Москвы»: «пусть отвечит общественности!» На что отвечать? На вашу непристойную готовность перекупать краденое? Какое уродливое правосознание, какое искажение норм литературного поведения.

Отвечаю я - за свою книгу, а не за то, как ее потрошают и выворачивают.

Но пойдет в захват и такое: а почему Солженицын о своем военном прошлом не пишет «практически ничего», «этую тему старательно избегает»? - А это - блудливый журналист избегает читать мои книги. В полдюжины разных изданий напечатаны «Желябугские выселки», из боев под Орлом; «Адлиг Швенкиттен», о боях в Восточной Пруссии; о выводе моей бата-

Нобелевскую премию Солженицыну вручает король Швеции. 1974 г.

реи из окружения в ту ночь мог бы прочесть в «Зернышке»; уже четыре года как опубликована и самая ранняя моя лагерная повесть «Дороженька», где немало и о военных моих путях⁹.

Да раньше того: при самом начале войны Солженицын «в добровольцы почему-то не записался». А я - как раз-то и ходил в военкомат, и не раз, добивался, - но мне как «ограниченно годному в военное время» по здоровью вели ждать мобилизации. Из тылового же конского обоза, куда меня тогда определили, я сверхсильным напором добился перевода в артиллерию (о том - повесть «Любি революцию»¹⁰, и она тоже неизвестна пронырливому дознавателю?).

Но что нашему эксперту точно известно: «На передовой Солженицын никогда не был. Он командовал батареей звуковой разведки, которая располагалась... - где бы, вы думали? - даже и в 5-м эшелоне». Хоть где-нибудь и своими мозгами поработал бы Дейч. Для того чтобы мембранные звукоприемники воспринимали бы выстрелы даже отдаленных пушек, а тем более и слабые звуки минометов - они должны дугой

точек противника в битве под Орлом и в прорывах под Рогачевом. За успешный же вывод батареи из окружения 27 января 1945 в Пруссии я был представлен к ордену Красного Знамени, как еще несколько наших бригадных офицеров, - но 9 февраля настиг меня арест - и меня успели вычеркнуть из наградного списка.

Обсудили военную тему - возвращаясь журналист опять же к лагерной: в лагере (на Калужской заставе) был «заводоизводством»! - да был я им меньше недели, сам же рассказал в самонасмешку, - и отправлен в бригаду маляров («Архипелаг», Ч. III, гл. 9). И в Экибастузе ни единого дня не был я «нормировщиком», как теперь хором лепят заточенные перья, - но больше года - каменщиком (и изрядно научился, и выкладывал фигурную кладку), а после короткого бригадирства - год литецким.

Но нашлась и новая тема для разоблачения - пожалуй, единственная, какой не было у Ржезача: моя раковая болезнь и излечение от нее. Пока еще в заатлантической газете - но скоро жди и в

российской: и злокачественной опухоли не было! и операции не было! и тем более не было и даже не могло быть метастазов. (И только надо удивляться этим ташкентским додонам-онкологам, что они два года кряду лечили меня и закатали мне рентгена 22 тысячи R - и все «ни от чего».)

До сих пор я не разоблачен, кажется, только в одном: что и физмата - не кончал, и университетский диплом - подделка.

И остается догадываться: почему же вдруг оживились и гебистские фальшивки 70-х годов, и клевета на лагерные годы мои с 40-х на 50-е, и годы войны, и юности, - почему на все это дружно кинулись и за океаном и у нас - именно с начала 2003 года?..

8 октября 2003

¹ Бодался теленок с дубом. М.: Согласие, 1996.

² Записка И. Удальцова в ЦК КПСС от 17 апреля 1974. (ЦХСД. Ф. 4. Оп. 22. Д. 1774. Л. 1. Подлинник. - Опубликовано: Контиент, 1993, № 75, с. 217.)

³ Экспресс-Хроника, 1993, 17 декабря.

⁴ Угодило зернышко промеж двух жерновов. Новый мир, 1999, № 2, с. 116 - 119.

⁵ Там же, с. 130 - 131.

⁶ Новый мир, 1998, № 9, с. 71 - 72, 122 - 123.

⁷ Архипелаг ГУЛАГ. Часть III, гл. 12.

⁸ Новый мир, 1999, № 2, с. 71 и 135.

⁹ Протеревши глаза. М.: Наш дом, 1999.

¹⁰ Там же.